

-Евгений Александрович, почему голос профсоюзов не слышно в контексте проблем тех или иных трудностей, которые возникают в стране у ряда трудящихся – шахтеров, строителей, дальнбойщиков? Почему их не слышно по все громче звучащей проблеме бедности, низких зарплат, продолжительности рабочего дня? Что нужно сказать тем, кто склонен думать, что профсоюзы в стране загибаются?

-Причин слабости профсоюзов несколько, но нужно озвучить самые важные. Одна из причин это то, что за долгий период существования СССР в стране было извращено понятие «профсоюзы» и суть того, чем должны заниматься профсоюзы. Вспомним – более 200 лет назад в индустриальной Европе, а в начале XX века в России профсоюзы были созданы для нескольких важных вещей: для отстаивания рабочих мест – чтобы уйти от безработицы, для борьбы за хорошие условия труда, для борьбы за хороший размер заработной платы и за безопасность на рабочем месте. Но после Октябрьской революции пути деятельности профсоюзов в нашей стране пошли мимо этой деятельности – профсоюзы стали некой прослойкой или приводным ремнем между государством и гражданами: они стали заниматься распределением неких благ – путевок в санатории, в пионерлагеря, занимались больничными листами и прочими чисто социальными вещами. В условия труда и в заработную плату советские профсоюзы не влезали – все решала партия: она спускала на уровень фабрик и заводов постановления и они лишь принимались на производстве и в организациях к действию. Кроме того, профсоюзы не занимались защитой работников в случае претензий к ним со стороны директоров или мастеров на тех же фабриках, хотя основных претензий тогда и не было – все, как я отметил, спускалось сверху. Плюс ко всему у профсоюзов появилась собственность или скорее имущество, находившееся в оперативном управлении – многочисленные санатории, дома отдыха, дворцы культуры, гостиницы, которые после развала СССР «вовремя» забрали правопреемники советских профсоюзов в лице ФНПР. Верхушка профсоюзов по сути стали олигархами, и сейчас официальным профсоюзам абсолютно не до интересов работников, не до интересов граждан – они беспокоятся лишь о том, как бы от них не ушел их «капитал» и как бы он приносил им прибыль. И в том числе по этой причине официальные профсоюзы ни на что не влияют, хотя именно они должны заниматься и размером зарплат, согласованием тарифных сеток, систем оплаты труда и многим чем остальным. Мы же – свободные профсоюзы пытаемся вписаться в пустующие пробелы деятельности ФНПР, но нам очень тяжело, потому что люди слишком пассивны, плюс на них воздействует работодатель, не позволяя вступать в иные профсоюзы, кроме так называемых официальных, лидер которых в хороших отношениях и с президентом, и с премьером. Да, у нас многие

политические партии пишут в своих программах заявления о поддержке рабочего класса, об увеличении зарплаты, но никто из них ничего не делает в этом направлении. А если еще и общественность не может бороться в России за свои права, то и работники этого делать не будут.

-Но ведь с конца 80-х в стране образовывались уже независимые профсоюзы, которые начинали крепнуть, быть авторитетными – тот же профсоюз шахтеров. Почему волна появления свободных профсоюзов не привела к их росту и влиянию, почему они «сдулись»?

-Да, в 90-е образовывалась масса свободных профсоюзов – горняков, авиадиспетчеров, железнодорожников, машиностроителей, текстильщиков, бюджетников, но их активные действия не вписывались в тот шаблон, к которому все привыкли. И поэтому законодательство о профсоюзах приняло под давлением ФНПР, после которого свободным профсоюзам очень тяжело оказалось работать в новом правовом поле. К примеру, раньше на предприятии могло быть заключено несколько коллективных договоров и работники могли выбрать лучший коллективный договор и присоединиться к тому или иному профсоюзу, но с принятием в начале нулевых нового Трудового кодекса в 2002 году, коллективный договор на предприятии может быть только один, и заключить его может та профсоюзная организация, которая имеет в своих рядах более 50 процентов работников предприятия. Но свободный профсоюз не может обладать такой численностью! Создать же свой профсоюз работникам мешают две силы – работодатель и та профсоюзная структура, которая уже действует на предприятии и не позволяет набрать необходимую численность, включая в коллективный договор различные дискриминационные нормы – такие как, отказ не членам профсоюза в различных компенсациях и прочее, и доходило до того, что не членам профсоюза не полагались новогодние подарки их детям, потому что выдача подарков финансируется работодателем посредством заключения коллективного договора. Таким образом, людям намекали, что если будете не с нами, но будете не у дел. И работники, видя такое отношение, выбирали, где спокойнее и тише, но они не задумывались, что в этой «тишине» они вскоре могут вообще ничего не получить. По сути, уже сейчас они многого не получают – пропала индексация зарплат, начались невыплаты зарплат, где-то зарплата снижается, мы никак не уйдем от премирования/депремирования – то есть, если ведешь себя «неверно», если ты «бунтарь» и член не того профсоюза, то ты не получишь премию, которая может составлять до 80 процентов от оклада. Получается, если ты не «бунтарь», то получишь зарплату в 2-3 раза больше. И как люди будут к этому относиться?

А ведь эта премиальная система отнюдь не рыночно-капиталистическая, она введена в 1986 году совместным Постановлением № 1115 ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС!

-Скорее, смирятся.

-Вот поэтому и не развивается свободное профсоюзное движение, поэтому активность его то возрастает, то падает. Да, во многих отраслях свободные профсоюзы остались – в морском, авиа- и железнодорожном транспорте, в горнодобывающей промышленности, у дальнобойщиков, потому что в этих сферах нет большой привязки профсоюзных членов к работодателям, и взносы они используют правильно, но остальные-то их коллеги сделать ничего не могут в случае тех же незаконных увольнений работников, потому что те же забастовки у нас по сути запрещены. Хотя от тех забастовок 90-х и даже 2000-х работники многое выигрывали, если забастовка была хорошо организованной. Я, к примеру, организовывал забастовку железнодорожников в 1992 году и в результате помощники машинистов получили хорошую добавку к зарплате и ряд привилегий и гарантий, в 2008 году в результате забастовки на Московской железной дороге ее работники получили увеличение зарплаты. Теперь законные забастовки практически невозможны – процедура усложнена, а за незаконную забастовку ее организаторам грозит серьезная ответственность, вплоть до уголовной. Считается, что забастовку может проводить не профсоюз, а трудовой коллектив, но трудовой коллектив разношерстный – вот начнут требовать повышения зарплаты водители «Скорой помощи», а потом этого захотят фельдшеры, или уборщицы и не будут поддерживать только водителей. И разве тут возможна забастовка? Нет.

-Вы согласитесь с тем, что таким акциям помешает боязнь тех же рабочих быть жертвой увольнения? Они скажут: «У нас кредиты – мы не пойдём на риск, к тому же профсоюзы не показали себя как сила».

-Это риск, но я все равно не понимаю таких фраз от людей, которые пытаются объяснить те или иные неудачи профсоюзов. Кредиты – это добровольное право человека, но это не исправление его непростой жизненной ситуации. Если ты вместо требований о повышении зарплаты идешь брать кредиты, то ты, получается, готов работать на любых, даже вредных для себя условиях? Это, по моему мнению, психология раба. И я часто в случае подобных мыслей людей привожу пример: «А что должны были делать граждане СССР в 1941 году, когда на страну напал Гитлер с армией? Они что – тоже бы сказали «У нас кредиты», если бы они у них были, и не пошли бы воевать?» Сами можете представить, что могло бы получиться, если бы не пошли на войну. Это же рабская психология!

Тем не менее, за четверть века своей профсоюзной работы я не знаю случая, когда бы сплоченные действия работников против своих работодателей не приводили бы к улучшению условий их труда!

-Какие задачи должны быть в профсоюзной повестке сейчас, в ближайшие два-три года? Насколько эти задачи расширились, дополнились серьезным содержанием?

-Задачи одни и те же – борьба за рабочие места, за достойную зарплату, за хорошие условия труда. По нынешнему законодательству вредные условия фактически ликвидированы – их нет. Определен лишь порядок наличия или отсутствия вредных условий. Так мы дойдем до того, что будет считаться, что шахтеры у нас работают в нормальных условиях! И некоторые лаборатории на основании своих оценок так и говорят: «у шахтеров нормальные условия труда!». Это же абсурд! У профсоюзов не может быть волнообразной постановки задач на каждый год – у нас всегда одни и те же задачи, и нельзя говорить, что в 2017-м нужно поднять планку минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума. Этот размер должен был быть установлен еще вчера на том уровне, к которому стремятся сейчас.

-Почему государство, как главный (по Конституции) защитник интересов своих граждан, находится вдалеке от профсоюзов - других защитников интересов работающих россиян? Ведь цели общие! Не видится ли вам некая неуверенность государства в том, что массовое профсоюзное движение не перетечет в массовые протесты, способные парализовать экономическую жизнь страны?

-Соглашусь с сутью вашего утверждения – государство так и подумало еще во времен Бориса Ельцина. В начале своего руководства страной Ельцин пытался завоевать авторитет и усилить свою власть – он работал в этом плане и с профсоюзами, но как только Ельцин окреп, началась политика выдавливания свободных профсоюзов с общественной площадки. Не думаю, что это было личное намерение Ельцина – у него были определенные советники, но увы, это продолжается и сейчас: государство не стремится развивать институт свободных профсоюзов и создает препоны для их деятельности.

-Что в этом плане показатель? Деятельность той же Думы? Можете сказать, что из себя представляет взаимодействие свободных профсоюзов с нижней палатой парламента?

-Очень долгое время комитет Госдумы по труду и социальной политике курировал Андрей Исаев – он был инициатором многих уже упомянутых мною поправок в Трудовой кодекс и рупором ужесточения забастовок.

Кстати, Исаев был, практически, единственным специалистом в Думе по социально-трудовым вопросам! А кроме того, делал все, чтобы облегчить жизнь своему профобъединению – ФНПР, где он был замом руководителя, а всех остальных поставил в зависимость от ФНПР. Поэтому нас, представителей свободных профсоюзов, там не слушали. На данный момент специалистов – «трудоустроителей» в Думе осталось всего лишь человека два-три. Почему? Потому что трудовые отношения, профсоюзы – тема очень непопулярная среди чиновников и депутатов. Хотя они говорят, что они пытаются что-то делать для улучшения положения работников, но видны только идеи обратного, ухудшающего характера – то пенсионный возраст пытаются увеличить, то трудовые книжки ликвидировать (будто это проблема номер один), то хотят увеличить рабочий день, потому что люди, мол, хотят зарабатывать деньги. Удивительно – наши предки, после Октябрьской революции добились 8-часового рабочего дня, а в наше время нормой стал и 12-часовой рабочий день, а где-то в России люди и сутками работают. А цивилизованный мир – в той же Швеции хочет перейти к 6-часовому рабочему дню! Но наши люди нормального рабочего дня не требуют, потому что у них кредиты, а так как перед хозяином они боятся выступить и за увеличение зарплаты при нормальном рабочем дне, они, видимо, согласны на увеличение рабочего дня, работать в два раза больше. Вновь хочется повторить – рабская психология! Не везде виноваты государство, Дума - если народ молчит, то государство делает «свое» дело. Многие проблемы граждан идут от их инертности, и избавить людей от инертности это очень сложная задача.

-Как самим профсоюзам обрести силу защитников работающих людей, чтобы выдвинуть из них рабскую психологию, о которой вы упоминали?

-Думаю, что за счет СМИ нужно убеждать граждан России, что профсоюзы должны быть не конторой, которая распределяет путевки и выдает новогодние подарки, а той организацией, которая способна изменить размер их заработной платы, которая способна повлиять на условия труда, не дать зарвавшемуся хозяину экономить средства и оптимизировать производство только за счет зарплаты и сокращения рабочих мест. В нашей прессе это вообще не звучит, а если это вашими коллегами будет периодически вбиваться в головы людей, то они начнут понимать, что те профсоюзы, что дерут с них по одному проценту ежемесячного членского взноса, не делают ничего, чтобы увеличить ту заработную плату, с которой они будут этот процент получать.

-На что же тратятся в реальности и должны тратиться по-настоящему взносы членов профсоюза?

-Взносы должны тратиться на уставные цели – на юристов, сотрудников профорганизаций, на аренду помещений, оргтехнику и важный плюс ко всему перечисленному – в любом профсоюзе должна быть «копилка» на проведение различных акций протеста, если профсоюз решится их проводить. И денег там обязательно должно быть минимум на две месячные зарплаты всех членов профсоюза – только в этом случае можно повлиять на хозяина предприятия в решении трудовых проблем. Пока таких «копилков» у профсоюзов нет – просто их не дают создавать, а значит, с хозяином бороться сложно. Кроме того, деньги должны идти на то, чтобы убеждать тех же депутатов Думы работать в интересах профсоюзов – через издание литературы той же, через пресс-конференции лидеров движения. Ну а в массе своей деньги профсоюзов в данный момент идут на материальную помощь – это, я считаю, порочная практика, потому что получается, что если ты ближе к председателю профкома, ты эту материальную помощь получишь, а если дальше, то не получишь, потому что на всех не хватает.

-Как вы оцениваете роль менее крупных, но уже прогремевших на страну профсоюзов типа профсоюза работников здравоохранения «Действие» под лидерством некогда известного ижевского активиста Андрея Коновала? Как я слышал, ему удалось притормозить в ряде регионов процесс сокращения больниц и добиться увеличения зарплат врачей в том же Ижевске, где им не платили достойную оплату за переработку.

-Профсоюз Коновала недостаточно силен, потому что они занимаются только протестными акциями. Этого мало и это упрек Коновалу – в стране, кроме его профсоюза, есть еще два крупных свободных профсоюза медиков, и вместо того, чтобы консолидироваться с этими профсоюзами и вместе бороться с произволом чиновников от медицины, он создает еще один профсоюз под своим управлением. На мой взгляд, это для свободных профсоюзов вред – профсоюзы должны объединяться и этого, кстати, требует от нас Трудовой кодекс – в таком случае мы можем вести переговоры с федеральной властью. Но встают причины личностного характера – лидерские качества некоторых людей не позволяют им войти в готовые структуры и они не понимают, что раздробленность ни к чему не приведет, кроме пикетов. Пикеты профсоюза Коновала дали известный положительный эффект, но ни к чему серьезному не привели. Профсоюзы могут победить только организованностью. Когда ты тянешь одеяло на себя, когда ты кусаешься со всеми, тем проще начальству тебя эксплуатировать.

-Если трудно идет общение свободных профсоюзов с государством, то в чем сложность сотрудничества с партиями и движениями левого и

правого флангов, о чем вы тоже сказали в начале? Ведь заметно, что когда эти фланги масштабно объединены против каких-то социально негативных вещей, происходящих в обществе (рост тарифов ЖКХ), государство старается как-то реагировать. Ведь важен масштаб или вам, к примеру, важна та или иная политическая ориентация движений?

-Движение того же Навального деструктивно для трудящегося человека, для рабочего движения – Навальный не может общаться с рабочими в отличие от студентов, а кроме того, он в основном пытается показать деструктивные стороны политиков, бизнеса и тем самым пытается привлечь внимание именно к себе. Идти профсоюзам с ним - это просто менять одних олигархов на других, поэтому не хотелось бы чтобы страной управляли люди такого склада. А что касается остальных партий, то мы готовы с ними работать, если их задачи совпадают с нашими, но я пытаюсь с тем же Зюгановым начать переговоры о нашем взаимодействии в плане создания профсоюзов на ряде предприятий, где есть активные рабочие – члены КПРФ, но вразумительного ответа от него не вижу. Делаю вывод, что пока профсоюзная тема нужна коммунистам только для пиара.

-Евгений Александрович, все мы знаем, что в странах Европы профсоюзы - это мощная сила, и кстати, благодаря им частые забастовки практически ушли в прошлое. Что из их опыта поспособствовало бы тому, что и в России профсоюзы стали бы уважаемой, важной и помогающей развиваться государству как защитнику граждан организацией?

-Надо отметить такую вещь, что на Западе с профсоюзами всегда разговаривают – там не принято игнорировать их требования. Чтобы у нас такой диалог состоялся, нужно все-таки законодательно разрешить российским профсоюзам проводить забастовки без разрешения трудового коллектива и согласования с работодателем. Далее – необходимо отменить монополию на единые коллективные договора. Ужесточить требования к работодателю в области трудового законодательства – сейчас его часто нарушают – сплошь и рядом и работодателям за это ничего не бывает. И наконец, раздел трудового законодательства об охране труда нужно сделать отдельным законом, как это было в 90-е годы – сейчас то, что касается охраны труда, смешано в кодексе все в кучу и на это мало кто обращает внимание, а это очень серьезно. А в законе о профсоюзах к каждому декларируемому праву профсоюза дописать обязанность работодателя по обеспечению этого права. Все эти вещи облегчили бы нам работу в интересах людей труда.

Вообще неправильно говорить, что у работодателя и работника должно быть социальное партнерство. Его не может быть – у работодателя и у работника разные интересы: работодатель хочет больше эксплуатировать работника и платить ему меньше зарплаты, а у другого интерес как можно меньше работать и больше получать зарплаты, значит у этих сторон может быть только социальный диалог, а не партнерство, значит, государству нужно сделать все, чтобы возник именно этот социальный диалог и не менее важное – возникла ответственность всех сторон этих отношений.

Беседовал Сергей Кочнев